

Фото Владимира Ештокина

Дмитрий Бак

Внутренним взором

Два года тому назад у нас в «Фоме» (№6, 2014) вышло большое интервью директора Государственного литературного музея Дмитрия Бака. Даже очень внимательно читая эту проблемную беседу филолога и университетского профессора о понимании литературы и преподавании ее, о самоидентификации человека и влиянии технологий, о гуманитарном измерении и явлении литературного музея как музея книжной культуры, — не ведающий читатель вряд ли бы догадался, что известный ученый-словесник — еще и оригинальный поэт... И поэт — сложный.

В предисловии к первой стихотворной книге Дмитрия Бака «Улики» поэт Дмитрий Быков писал: «...его стихи трудны, ибо требуют понимания, уважения и сотрудничества — соработничества, как говорили раньше». Кстати, название предисловия сборника — «Улики переходящие» — как признался в разговоре Дмитрий Петрович Бак, придумал он сам. Сей оборот отсылает меня к древним паломникам-песнопевцам, ходившим в Святую Землю, к каликам переходящим, он — для *ищущего*. И не сам ли поэт нашел слова для издательской аннотации к «Уликам»: «...стихи, нелегкие для чтения, предполагающие преодоление изначальной ситуации непонимания, растерянности, даже раздражения, переход от предсказуемого желания прояснить неясность, приоткрыть тайну — к освобождающему ощущению живого присутствия тайны личного раздумья, не принадлежащей прямолинейному разгадыванию»? Бесконечный прорыв к своей особой интонации в обстановке (и это отдельная боль Д.Б.), когда «все возможности словоупотребления и стихописания использованы»...

Что мне добавить читателю? Тихо ли рассказать, что публикуемый впервые триптих писался в том времени, когда мама автора уходила из этого мира, а дочь находилась на его пороге? Или обмолвиться о звуковых и небесных мотивах (стихотворение в полете) и отсылках к Писанию? А может, посоветовать снова заглянуть в ту «фомовскую» беседу, — туда, где автор говорит о благотворности понимания сложных текстов и о чувствовании стихов? Думаю так: довериться *этому* внутреннему взору. Доверить и довериться. **ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора
журнала «Новый мир»
Рисунок Марии Заикиной

* * *

Параллельные прямые,
искривлённые сознанья
пересечься не должны бы,
сокращая расстояние.
Но выпучее пространство
увлекло в свои морщины.
Это сестринство и братство
без усилья и причины.

За чертой прикосновений
дальний краешек расплаты.
Можешь верить и не верить
в наказания и награды.

Это луч горит последний
в голубых глазах вчерашних.
...Мой посмертный собеседник,
самый страшный, самый важный.

2 апреля — 2 июня 1997

Три стихотворения Марии С.

1

Фальстарт неминуем, но летом не раз
я думал, что поздно и понял, что рано
нанизывать этот безмолвный наказ,
носимый под сердцем легко и упрямо.

Вращает колеса неведомый бриз,
мои пропилены пунктирной высью,
укропом и мятой вокруг поднялись,
прозрачную взвесью, просторною мыслью, —

продуманной влёт и навывлет, плечом
согретой и стиснутой узкой ладонью,
обласканной взглядом — ещё и ещё:
раз-два-три —

все струны и гастролы тронет;

и пусть, расщеплённый, дымится в саду
дождливой вселенной до самого края
фальстарт неминуемый, — сил на лету
набрать, умирая для этого рая,

успею, четырежды вдоль по оси
трассирующей на себя повернувши
мой замысел мерный, за мыслью носи-
мый легкий и светлый, как чистые души.

29 августа 2010

2

Ветер толкает снаружи окно
солнечным утром предбывшего Рима,
многое, как в теореме, дано
только в той мере, как необходимо
знать о дуге, поворотом крутым
соединяющей два горизонта:
в точке, где, тесно сомкнувшись, стоим, —
не дотянуться до нового солнца;

но проявляется мутный чертёж
утра и лета Господнего Anno
Domini номер одиннадцать; ждешь —
нет, не от Павла, а от Иоанна, —
шёпота раннего, плача звезде,
слова, касания первого: снится,
наше дитя, дотянувшись до стен,
тихо толкает пустые границы
влажно-прозрачные там, изнутри,
внутренним взором до зрения — точно,
видя и слыша, что мы говорим
в Риме предбывшем и за оболочкой,
за руки взявшись, не меч, но миры
перекрывая двуспинными снами,
тесно крест-накрест насквозь пронзены
вдоль Иоанновыми словами.

23 февраля 2011, Иерусалим

3

так я привык что в соседней всегда
комнате между белейшим и белым
дремлющий всхлип вызывает туда
в миг полусонный тебя непременно
я провожаю глазами — беда? —
в сумрак соседний где нежное чудо
спит-просыпается чадо вода
льётся в пластмассовую посуду
кто там живет золотым огоньком
глазки протрёт и под тёплой рукою
ласковой крепкой твоею легко
снова взлетит над ночью землёю
тихо раздвинет пределы равнин
дальних времен ни меня ни тебя ни
даже дыхания нашего дни
не сохранят за горами-годами
вольной душою лети шаровой
молнией между печалей подобна
слышу шаги осторожные словно
издалека мировой заревой
гул приближается вечный который
каждую ночь из-под век узнаю
в небе парящей Шотландии в пору
медленный шепот в молочном краю

20 сентября 2013. Amsterdam — Edinburg

22 сентября 2013. Amsterdam — Москва

Саввино-Сторожевский

Достаточный повод для ночи —
сухой колокольный удар:
густые гудящие ключья
падут на побережье пруда.

Недолгое это согласие
недвижных деревьев и стен:
и вот неразгаданной властью
закатный огонь заблестел.

Отчётливость — вот в чём причина!
Остаться бы камнем в лесу,
обитель, и пруд, и лощину
усилием держать на весу;

но дрогнет аршинная чаша,
и словно бы из-за угла
всё чаще, и чаще, и чаще
распляшутся колокола,

как будто ленивый меняла
просыплет скупой разновес
с серебряной глади усталой
на тёмную просинь небес.

2 августа 1993